

ЕКАТЕРИНА ЮХНЁВА

ОЧЕРКИ

ИЗ ИСТОРИИ

БЫТА

Петербургские доходные Дома

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ
И НОВЫЕ ПОДРОБНОСТИ

Екатерина Юхнёва
Петербургские доходные
дома. Очерки из истории быта
Серия «Всё о Санкт-Петербурге»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4885354

Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта:

Центрполиграф; Москва; 2019

ISBN 978-5-227-08608-2

Аннотация

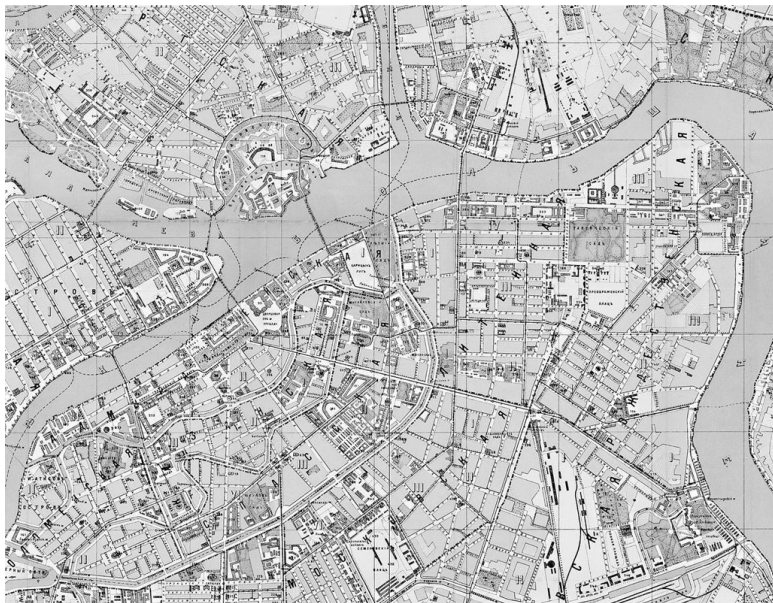
На наших глазах уходит в небытие старое петербургское жилье. Это четвертое, дополненное и доработанное издание – попытка создания своеобразного памятника не парадному, а повседневному Петербургу. Книга Е.Д. Юхнёвой посвящена одной из интереснейших сторон жизни старого Петербурга – его доходным домам. Автор в мельчайших подробностях воссоздает атмосферу быта роскошных «барских» квартир с их будуарами, кабинетами, диванными и детскими комнатами, холостяцких мансард, чиновничьих квартирков, а также беспросветного существования каморок, углов, чердаков и подвалов. Вы прочтете все об архитектуре, отделке, планировке и интерьерах доходных домов – от скромных деревянных пятистенков до каменных громад начала XX века. Узнаете, как жили люди без водопровода, канализации, парового отопления, электричества и прочих

бытовых благ, привнесенных техническим прогрессом, увидите реалистичную картину жизни петербургского доходного дома.
Издание 4-е, дополненное и доработанное.

Содержание

Введение	8
Зачем написана эта книга?	8
Как писалась эта книга?	13
Раздел I	18
Глава 1	18
Мнения современников	21
Строительные материалы	33
Дерево	33
Природный камень	40
Мрамор и гранит	41
Туф	44
Горшечный камень	45
Кирпич	49
Бетон	54
Металл	54
Стекло и витражи	60
Цвета окраски домов	66
Строительство	66
Закладка дома	66
Возведение дома	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Екатерина Юхнёва Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта

Серия «Всё о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

© Юхнёва Е.Д., 2019

© «Центрполиграф», 2019

Введение

Зачем написана эта книга?

*Все то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человечесьё.
Вот этот дом, нам послуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.*
С. Маршак

И никогда не будет мной забыт

*Огромный дом, массив кирпичной плоти,
Я помню цокот ломовых копыт
В таинственных тоннелях подворотен;
Гул примусов и неуют квартир,
Поленницы с осклизлыми дровами,
И пристальное взглядывание в мир
Сквозь радужную призму упований.*

В. Шефнер

Перед вами, дорогой читатель, – книга о доходных домах Петербурга. Мы вроде бы прекрасно знаем их, поскольку многие из нас еще живут в очень старых домах. Кто-то бывал в гостях в подобном жилье. Уж нам ли их не знать! Казалось бы, и изучать тут нечего. Но разве не любопытно узнать, как жили люди без водопровода, канализации, парового отопления, электричества и прочих бытовых благ, привнесенных техническим прогрессом? В сутолоке будней мы мало обращаем внимание, как меняются жизнь и, в частности, наше жилище.

Более полувека живу в нашем городе, и даже на моей памяти произошли потрясающие бытовые изменения. Я родилась в центре Ленинграда еще при печном отоплении. Когда у нас появилось паровое отопление, печку продолжали иногда протапливать в дождливые холодные дни, при отключенных на полгода батареях. И бесконечно жаль, что живой трескучий огонь в топке и теплый бок печки-голландки, к которому можно было прижаться, и запах дров во дворах ушли из нашей жизни, хотя, конечно, паровое отопление

очень удобно.

Я еще помню застроенные дровяными сараями тесные ленинградские дворы, после сноса сараев внезапно опустевшие и ставшие такими просторными. И было жаль, что не придется больше съезжать с покатой крыши сарая в мягкий сугроб. А в дровяники на лестницах, что находились у дверей каждой квартиры, начали складывать наши с братом старые игрушки и другой домашний хлам.

Помню (мне было девять лет), пришли рабочие и разобрали кирпичную кухонную плиту (ее уже давно не топили, а, покрыв клеенкой, использовали как хозяйственный стол). На ее фундаменте поставили ванну, и прекратились наши еженедельные походы в баню. Я любила баню, ощущая в ней свою взрослость. Ведь детей долго, лет до семи, мыли в довольно больших оцинкованных ванночках дома. А спустя года три после установки ванны провели горячую воду. Помню, как мы, дети, радовались этому, поскольку выполнять нашу обязанность – мыть посуду – стало гораздо приятнее под краном, а не в тазике с жирной водой.

Впервые я попала в «хрущевку», когда в первом классе меня пригласила в гости девочка-одноклассница. Квартира из четырех комнат выглядела такой миниатюрной, что показалась мне тогда какой-то «невсамделишной». По площади в нашей обычной старопетербургской двухкомнатной могли поместиться две такие четырехкомнатные квартиры, а по объему – больше трех. Мебель в «хрущевке» выгляде-

ла непривычно миниатюрной, и казалось, что жилье приспособлено лишь для детей, и живут в нем одни дети. Помню, что везде сидели куклы, и про себя я назвала эту квартиру «кукольным домиком».

У нас дома постепенно появлялись новые вещи: телевизор «Ленинград» с маленьким экраном и большой линзой, высокий, с закругленными углами холодильник «ЗИСМосква». Правда, с появлением электрического холодильника мы, как и многие, продолжали пользоваться и ящиком-холодильником за окном.

Так в детстве я стала не просто свидетелем, а на себе почувствовала те кардинальные, прямо-таки революционные изменения жилища.

На наших глазах по сей день уходит в небытие старое петербургское жилье. Какие-то квартиры с их петербургским обликом погибли при капитальном ремонте здания, какие-то при так называемом «евроремонте» самих квартир. Петербург как будто надел маску. Сохраняются только фасады-маски, за ними прячется современное жилище. Уничтожается истинная планировка петербургских квартир, исчезают их печи-голландки и каминь, лепные плафоны, массивные филенчатые двери с медными ручками, окна с привычными петербургскими рамами заменяются на разнокалиберные стеклопакеты.

Эта книга – попытка создания своеобразного памятника не парадному, а повседневному Петербургу, где жили мы,

наши родители, наши бабушки и дедушки. Тому Петербургу, что сложился к началу XX века. И хотя городу вернули его историческое имя, но нас все дальше и дальше уносит от подлинного старого Петербурга река времени. Как хорошо сказал в одном из своих стихотворений интеллигентно-петербургский артист С. Ландграф:

*Мы вышли все из Ленинграда,
Но в Петербург мы не пришли...*

Кому адресована эта книга? Всем нам. Старшему поколению, надеюсь, будет приятно вспоминать вместе со мной о своем житье-бытье. У них я прошу прощения за подробные описания довольно банальных для них предметов и явлений. Но я делаю это для молодежи, для которой наша бытовая история – terra incognita. И, что забавно, уровень представления по истории повседневности, быта одинаково низок как у школьников обычных школ, так и у студентов, оканчивающих исторические факультеты.

«Новое – хорошо забытое старое». Сегодня многие, разбогатевшие в смутное время перестройки, вкладывают деньги в приобретение квартир для последующей сдачи их внаем. Возможно, читателям этой категории будет любопытно и полезно ознакомиться с деталями прежних взаимоотношений квартиранта и домохозяина, узнать, что и на каких условиях сдавалось под жилье, а что – под торгово-ремесленные

заведения.

Как писалась эта книга?

Само понятие «бытовая история» чрезвычайно обширно. Отбор затрагиваемых в данной книге тем и степень обстоятельности их изложения, конечно, весьма субъективны. О чем-то упоминается вскользь, о чем-то рассказано подробнее. Ведь о многих аспектах (о городской архитектуре, о технике строительства и т. д.) написаны многочисленные обстоятельные монографии. Я же старалась сосредоточиться на малоизвестном.

Мне хотелось, с одной стороны, избежать ностальгических сетований со слезой об утраченном блистательном Санкт-Петербурге с роскошными «барскими» квартирами, а поддаться этому искушению так легко – ведь сохранилось много материалов по жилищам высших слоев петербуржцев: это и планы квартир с полным описанием обстановки всех парадных комнат, и изобразительные, и мемуарные, и эпистолярные источники.

С другой стороны, не стоит увлекаться и живописанием ужасающей жизни городского дна, где единицей найма выступала даже не койка, а полкойки. Хотя к этому толкает обилие материала – существует масса обследований второй половины XIX века: это отчеты фабричной инспекции, санитарных врачей и всевозможных комиссий. Да вся демокра-

тическая пишущая общественность не жалела «темных кра-сок» для описания жилищ бедноты.

Крайне мало материалов по самому массовому жилищу – квартирам средних слоев (чиновников, разночинцев, купцов, мещан, ремесленников). Для реконструкции реального положения дел в жилищной сфере Петербурга основным источником для меня являлись опубликованные данные городских переписей, которые проводились примерно 1 раз в 10 лет: 1869, 1881, 1890, 1900 гг. Результаты переписей публиковались в трех или четырех томах. Сведения о жилищах помещены во 2-й части (томе) – «Квартиры»; в 3-й части – «Дворовые места»; и в 4-й части – «Общий обзор данных переписи».

Другим источником служили обмерные планы квартир, они сохранились практически для всех петербургских домов. Это – единственный источник, дающий представление о площади жилища. Из обмерных планов можно выявить расположение комнат во внутриквартирном пространстве, иногда – их функциональное назначение и даже расстановку мебели. Планы дают представление об условиях жизни прислуги: жила ли прислуга в кухне или были отдельные помещения, на проживание скольких человек они были рассчитаны. Расположение, конфигурация и размеры внутриквартирных удобств (печей, плит, каминов, ванн, ватерклозетов) также отражены на планах.

Ценным источником являются натурные обследования,

поскольку около 23 % домов не прошли капитальный ремонт. Но необходимо помнить, что они не дают представления о петербургском доходном доме во всем его многообразии. Мы имеем дело только с самыми добротными каменными домами. Таким образом, этот источник может дать представление только о жилищах средних и высших слоев петербуржцев.

Врачебно-полицейские данные представляют собой натурные обследования конца XIX века, проводимые полицейскими или городскими врачами. Из опубликованных обследований наиболее полное – «Город Санкт-Петербург с точки зрения медицинской полиции, составлено по распоряжению СПб градоначальника генерал-майора Н.В. Клейгельса врачами Петербургской столичной полиции при участии и под редакцией старшего врача И. Еремеева», опубликованное в 1897 году. Это очень репрезентативное издание – в нем представлены бытовые условия всех районов Петербурга, ведь обследовались и описывались жилищные условия и связанные с ними элементы городского благоустройства (водоснабжение, прачечные и портомойни, удаление экскрементов и мусора, уборка лестниц и улиц).

С середины XIX века, когда начинается массовое появление доходных домов, публикуются различные специальные справочные издания, которые объясняли домовладельцам их права и обязанности, а также содержали практические советы. Во всех этих справочных изданиях приводятся законода-

тельные акты и распоряжения городских властей, касающиеся домовладельцев, образцы договоров найма и квартирных расчетных книжек.

В Петербурге печаталось множество рекламных изданий, в которых можно найти массовый материал, характеризующий сдаваемые внаем квартиры: место расположения квартиры, количество комнат, удобства (дрова, ванна, ватерклозет, электричество, телефон, лифт, электрический звонок), услуги (дворника, швейцара, полотера, «домашний стол»), службы (ледник, конюшни, сараи), мебель и посуда, цена квартиры. При изучении общественного мнения они интересны для выявления, что современниками в квартирах ценилось, считалось привлекательным.

Художественная литература также использована при реконструкции некоторых аспектов ментальности жильцов доходных домов: во-первых, что было наиболее значимо для них в характеристике квартир, а что воспринималось как норма; во-вторых, оценка самими жильцами своих жилищных условий; в-третьих, отношение к аренде, с одной стороны, квартиронанимателя с домовладельцем, с другой – его же с жильцами, которым он сдавал часть арендуемой им квартиры. Обычно жилищные проблемы не являются сюжетом, а упоминаются вскользь в художественных произведениях. Именно поэтому достоверность их достаточно высока.

Более внимательны к повседневности женские воспоминания. Также для жилищной проблематики интересны те ча-

сти воспоминаний, где описываются детские впечатления. Воспоминания ценны тем, что в них представлены описания жилищ различных социальных слоев, в том числе и городских низов. Еще в XIX веке демократические журналы печатали воспоминания рабочих. Но особенно большое значение воспоминаниям рабочих стали придавать после Октябрьской революции.

Несколько особняком стоят воспоминания, авторы которых ставили своей специальной задачей описание быта современного им Петербурга. Например, Залесский А.И. «Поездка в Петербург в 1901 году (впечатления и заметки)», СПб., 1904; Засосов Д.А., Пызин В.И. «Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов (записки очевидцев)», Л., 1991; Кильштет К.Е. «Воспоминания старого петроградца», Птг., 1916; Кони А.Ф. «Воспоминания старожила», Птг., 1922; Светлов С.Ф. «Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году)», СПб., 1998; Успенский Л. «Записки старого петербуржца», Л., 1970.

В целом привлеченные источники, по полноте содержащихся в них данных, позволяют воссоздать довольно реалистичную картину жизни петербургского доходного дома.

Доходными домами называются здания, специально построенные или перепланированные для сдачи квартир внаем на длительный срок.

Раздел I

Что такое доходный дом

Глава 1

Из чего строились доходные дома?

О Петербурге сложился устойчивый миф как о каменном городе. Начало мифу положил Петр I серией своих указов о запрещении каменного строительства по всей России,

кроме Петербурга, и о возведении в новой столице исключительно каменных, из кирпича, «образцовых домов». Это была неосуществленная мечта царя-реформатора. В целом по городу на протяжении 200-летней столичной жизни деревянные дома составляли большинство жилищного фонда. По «Статистическим сведениям о Санкт-Петербурге», всю первую половину XIX века деревянные дома составляли 2/3 городской застройки: в 1798 году из 6072 домов Петербурга только 1834 были каменными, а в 1833 году из 7976 домов – 2730. Ежегодно строилось примерно по 30 каменных домов.

Комитет городских строений и гидравлических работ, учрежденный 3 мая 1816 года во главе с А. Бетанкуром, запретил строить деревянные здания в центральной части города, на Васильевском острове (от Биржи до 13-й линии), в кварталах Литейной, Московской, Каретной и Петербургской частей, примыкавших к центру города. Поэтому, естественно, не все районы города выглядели одинаково. В первой половине XIX века Петербургская и Выборгская стороны, Охта, южные предместья и западная часть Васильевского острова застраивались исключительно деревянными одноэтажными домиками, среди многочисленных пустырей, служивших выгонами для скота.

Каменные и деревянные доходные дома на перекрестке Надеждинской и Бассейной улиц (ныне – Маяковского и Некрасова). Акварель Ф.Ф. Баганца. 1860-е гг.

Как известно из Городской переписи 1881 года, количество каменных домов в Петербурге стало впервые превышать количество деревянных лишь в 1880-е годы: каменных домов насчитывалось 11 169, деревянных – 10 232 и смешанных – 786 (на кирпичном первом цокольном этаже надстраивался второй – деревянный). По статистическому ежегоднику Санкт-Петербурга за 1893 год ежегодно в среднем строилось 480 домов, из них 260 – каменных.

*Светлой нитью вдаль уходит
Гордый, тесный ряд домов.
И весенним ровным солнцем
Каждый камень озарен.*

А. Добролюбов.

Литейный вешиим утром

Строительство каменных домов в различных районах происходило крайне неравномерно. К концу XIX века город был каменным только в центральной части, ограниченной Фонтанкой и Крюковым каналом. Кирпичные дома здесь составляли от 96 до 100 %. От 3/4 и более подобных домов высились вдоль Литейного, Владимирского и Загородного проспектов, в Коломне, а также на восточной оконечности Васильевского острова. Равное количество деревянных и каменных домов приходилось на Староневский проспект и широкую полосу вдоль Забалканского (Московского) проспекта. А на Петербургской, Выборгской сторонах, на Охте деревянные дома составляли большинство даже в конце XIX века. Из переписи 1890 года известно, что на Петербургской стороне на разных участках деревянные дома составляли от 52 до 87 % и на Выборгской стороне – от 54 до 85 %. Итак, даже Петербург был наполовину деревянным городом.

Мнения современников

Лачужки этой нет уж там. На месте

Ее построен трехэтажный дом...

Мне стало грустно: на высокий дом

Глядел я косо. Если в эту пору

Пожар его бы охватил кругом,

То моему б озлобленному взору

Приятно было пламя...
А.С. Пушкин. Домик в Коломне

Почему же петербуржцы XIX века упорно считали свой город каменным, несмотря на то что фактически он был наполовину деревянным? В формировании облика Петербурга в сознании горожан главную роль играла центральная часть. Именно этот Петербург многократно описан и воспет писателями и поэтами. Он ужасал их:

Мертвы и сумрачны домов немых громады.

А. Голенищев-Кутузов. Лампада

*В мертвых громадах кирпичных,
Мокрых от вечных дождей,
Много их – серых, безличных,
Смертью дышащих людей.
Дети каменной неволи
Многоярусных гробниц!*

В. Князев. Из цикла «Проклятый город»

Статистические данные, приведенные выше, указывают на материал постройки, но не на облик дома. В Петербурге было принято штукатурить деревянные дома, делая их внешне практически неотличимыми от каменных. Так, в разных районах оштукатуривались от 30 до 73 % деревянных домов. Это делалось как для сохранности древесины во

влажном климате, так и из-за соображений престижа, а значит – более высокой цены квартир, сдаваемых в аренду. Выступающие концы бревен закрывали вертикальными досками (что препятствовало их гниению) и штукатурили. Получались пилястры, указывающие на количество капитальных перпендикулярных стен. Чтобы придать дому респектабельный вид, его украшали деревянными (тоже оштукатуренными) карнизами с резными барочными или античными орнаментами, возводили деревянные портики с деревянными колоннами. И колонны, и пилястры завершались деревянными резными капителями, которые после оштукатуривания по виду не отличались от каменных. Кстати, и у каменных дворцов иногда сооружались деревянные колонны (сделанные из дуба, они отличались чрезвычайным долголетием).

Для восприятия города как каменного (более чем подлинное количество домов из кирпича) важен тот фактор, что каменные дома строились в основном многоквартирными, поэтому к концу XIX века четверо из пяти петербуржцев жили в каменных домах.

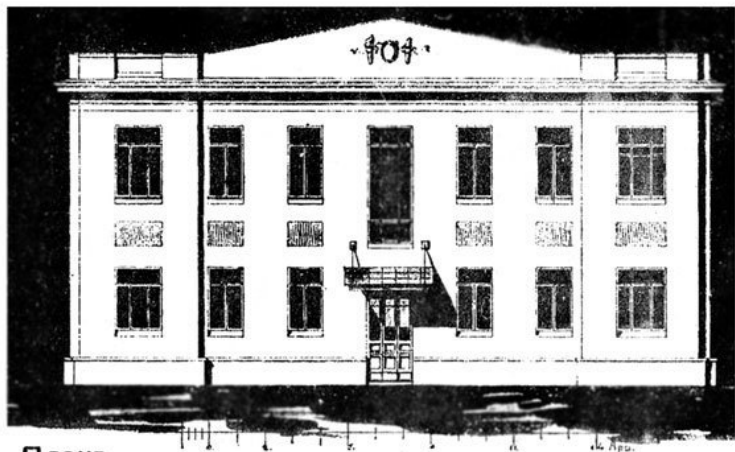
Как же относились к материалу постройки своих жилищ сами горожане? Россияне традиционно предпочитали жить в деревянных, считая их более пригодными для жилья, как бы мы сегодня сказали – более экологичными.

Кроме того, каменные дома оказывались настолько дорогими в строительстве и содержании, что владение ими наводило на мысль о нечестных способах приобретения. Это, кстати, нашло отражение в пословице: «От трудов праведных не наживешь палат каменных».

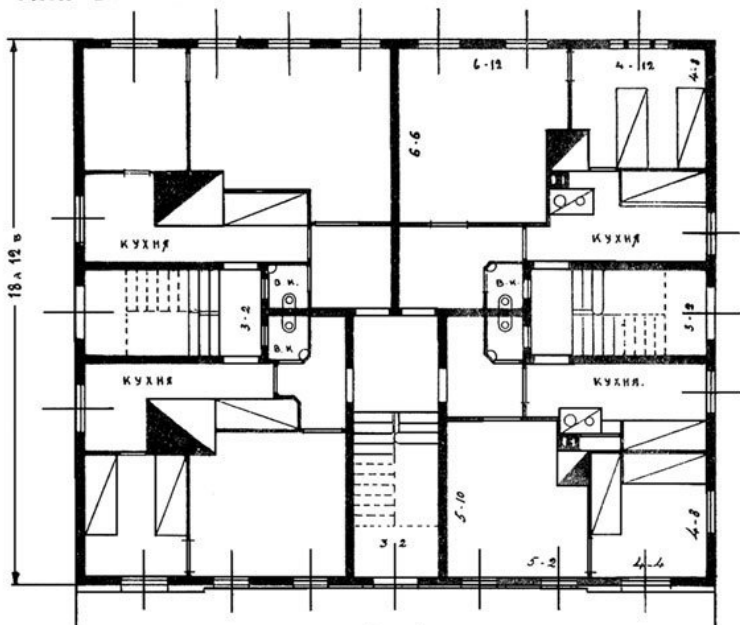

Большая Дворянская улица. Фото 1900 г.

Одноэтажный доходный дом, оштукатуренный, на две трехкомнатные квартиры, посередине – пилястра, закрывающая концы бревен. Альбом проектов Г.М. Судейкина. 1916 г.

Планъ.

Проект двухэтажного доходного дома размером 12 × 16 метров: 8 двухкомнатных квартир, теплый ватерклозет, кухня с уголком для постели прислуги. Каждая квартира имеет парадный и черный ходы. Альбом проектов Г.М. Су-дейкина. 1916 г.

Возникает резонный вопрос: зачем же все-таки возводились каменные строения? Иметь каменный дом было престижно, и это, пожалуй, единственное объяснение. Престижность каменного дома в сочетании с привычкой и желанием жить в деревянных помещениях привели к распространению смешанных домов: деревянный верх – с жилыми комнатами, а в каменном первом этаже располагались или парадные помещения, если дом принадлежал дворянину, или торговые и складские помещения, если домовладельцем был купец. Конечно, речь идет здесь об особняках.

В начале XX века Петербургская и Выборгская стороны, Охта, южные окраины и западная часть Васильевского острова, состоявшие почти исключительно из деревянных одноэтажных домиков и воспринимавшиеся современниками как предместья (хотя официально они входили в границы города), начали застраиваться каменными громадами.

*Дома стоят, как каменные горы,
Над маревом болотистых полей,
Осклизлые, но то не кровь из ран,
А гной, смертельный гной точат их поры.*

А. Скалдин. Петербург

Районы, ранее похожие на улочки второстепенного уездного города, теперь почти ничем не отличаются от центральных. В августе 1903 года писатель С.Р. Минцлов записывает в своем дневнике: «Строительная горячка, несколько лет охватившая Петербург, продолжает свирепствовать. Везде леса и леса; два-три года тому назад Пески представляли собой богоспасаемую тихую окраину, еще полную деревянных домиков и таких же заборов. Теперь это столица. Домики почти исчезли, на их местах, как грибы, в одно, много в два лета, повыросли громадные домины; особенно быстро похорошела третья Рождественская. <...> Замечательно и то, что иные дома стоят еще без дверей и окон, из них тянет, как из погребов, сыростью и холодом, а уже в газетах пестреют объявления о сдаче квартир в них. Нарасхват идут!»

Смешанный дом: первый этаж – каменный, а второй – деревянный на Малой Итальянской. Акварель Ф.Ф. Баганца. 1860-е гг. Фрагмент

В июле 1904 года С.Р. Минцлов возвращается к этой теме: «Старый Петербург все уничтожается и уничтожается... Нет

ни одной улицы почти, где бы старые двух- и даже трехэтажные дома не ломались; теперь на их месте возводятся новые кирпичные же громады».

Быстрые изменения облика города, происходившие в последней четверти XIX века и в начале XX века, крайне негативно воспринимались современниками. От восторженно-го пушкинского признания «Люблю твой строгий стройный вид» постепенно к концу века формируется ужас от каменного Петербурга:

*Раскинут темными кварталами,
Ты замер, каменный, в гробу,
Дома безмолвны над каналами
И люди мечутся в бреду.*

В. Канев. Тебе, Петербург

Почему так тяжело ощущали себя петербуржцы в слишком каменном, как им казалось, Петербурге? Мне кажется, причина в том, что провинциал, попадая в большой город, очень остро ощущал и переживал контраст по сравнению с оставленным где-то укладом жизни.

Вот как об этом поведал И.А. Гончаров в «Обыкновенной истории»: «Александр подошел к окну и увидел одни трубы, да крыши, да черные, грязные, кирпичные бока домов... и сравнил с тем, что видел, назад тому две недели, из окна своего деревенского дома. Ему стало грустно. Он вышел на улицу, посмотрел на дома – и ему стало еще скучнее: на него

наводили тоску эти однообразные каменные громады, которые, как колоссальные гробницы, сплошной массой тянутся одна за другою. „Вот кончается улица, сейчас будет приволье глазам, — думал он, — или горка, или зелень, или развалившийся забор“, — нет, опять начинается та же каменная ограда одинаковых домов, с четырьмя рядами окон. И эта улица кончилась, ее преграждает опять то же, а там новый порядок таких же домов. Заглянешь направо, налево — всюду обступили вас, как рать исполинов, дома, дома, камень и камень, все одно да одно... нет простора и выхода взгляду: заперты со всех сторон, — кажется, и мысли, и чувства людские также заперты. Тяжелы первые впечатления провинциала в Петербурге. Ему дико, грустно...»

Строительные материалы

Дерево

*Ах, сердце тебя не знает,
Каменный Петроград!
Я помню, как пахли стружки
И глухо звенел топор;
Здесь после ночной пирушки
Крушили смолистый бор,
Здесь плотничьи пел он песни,
Рубанком ровняя струг.
Воскресни же, воскресни,*

Самым лучшим для строительства считался кондовый сосновый лес, росший на сухих возвышенных местах. Такой лес дольше не подвергался гниению, «не потел», как говорили в старину. Дома, построенные из кондового леса, стояли по 150–200 лет.

Заготавливался лес зимой. Обычная длина бревен 9 аршин (6,5 метра), довольно часто использовались шестиаршинные бревна (почти 4,5 метра), изредка встречались бревна в 12 аршин (8,5 м). Срубленные и ошкуренные бревна подвозили на санях по два-три бревна к замерзшим рекам, складывали в штабеля, а весной на баржах привозили в города. К возведению домов приступали весной и в начале лета, когда дерево было «живое» – в соку, смолистое. К этому времени в города направлялись артели плотников.

В XIX веке все городские дома возводили уже на фундаменте. После установки нижних венцов (от трех до пяти) для предохранения от сырости изнутри и снаружи их засыпали землей или глиной и обшивали жердями, горбылем или плоским барочным лесом. В передней и задней стенках этих завалинок обязательно делали сквозные отдушины (продухи) для проветривания подполья. Осенью их закрывали, а весной – открывали. Обычно подполье занимало все пространство под домом, но если дом был большим, то подполье делалось только под передней частью избы. Лаз в подполье на-

ХОДИЛСЯ ОКОЛО ПЕЧИ.

Деревянные дома на Бассейной улице (современная ул. Некрасова). Акварель Ф.Ф. Баганца. 1860-е гг.

После оборудования подполья в венец врубали три балки. Это обычно были толстые (сантиметров в 40) сосновые обтесанные бревна. Пол настилали из горбин (то есть колотых бревен) «по ходу» – от дверей к окнам, поперек балок. Чаще пол делали двойным: поперек балок настилали черновой пол из горбыля, сверху его засыпали в лучшем случае сухими опилками с золой, но нередко – просто строительным мусором, а затем настилали чистый пол из досок.

В венцах на расстоянии аршина от пола, на уровне 6–8-го венца, выпиливались проемы для окон. Их размер по высоте делали в 3–4 диаметра бревна. Через 3–4 венца выше окон укладывались параллельно балкам пола матицы, на них настилался потолок. Высота жилых помещений деревянных домов обычно равнялась 2,2–2,5 метра. Пазы потолка на чердаке заливались глиной, а потом засыпались землей, как правило, – с кострищ от обжига угля. Такая земля ценилась за легкость и отсутствие микроорганизмов, способствующих гниению.

Обычный доходный дом с деревянными наличниками и ставнями на углу Малой Итальянской и Надеждинской

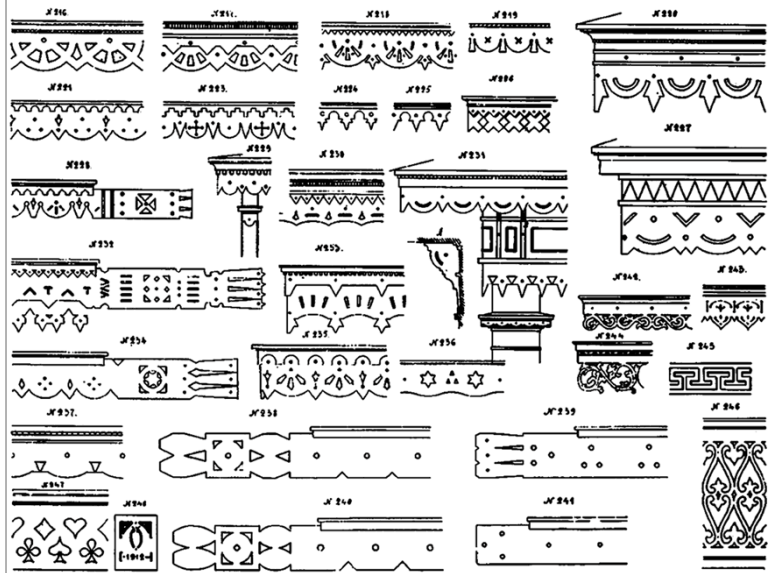
*улиц (современные ул. Жуковского и Маяковского). Акварель
Ф.Ф. Баганца. 1860-е гг.*

Крыши обычно делались двускатные: на стропила укладывался тес в два слоя. Нижним краем тес упирался в водосток, а вверху стык кровельных тесин прикрывался двумя сколоченными под углом досками или согнутой полосой кровельного железа.

Конопатить стены начинали лишь спустя некоторое время, после осадки бревен. Мхом в XIX веке в Петербурге практически не конопатили, обычно – паклей.

Без дерева не мог быть возведен ни один дом. Даже в каменных домах из дерева делались межэтажные балки и перекрытия, только на рубеже XIX и XX веков их постепенно начали вытеснять железобетонные балки, но сами перекрытия продолжали оставаться деревянными. Только во второй половине XX века перекрытия станут массово делать из железобетонных плит. Полы же до сих пор чаще всего делают из дерева.

Детали резьбы по дереву.

*Образцы резных деревянных деталей для отделки домов.
Реклама XIX в.*

На протяжении второй половины XIX века тесовые крыши вытеснялись железными. При развитии промышленности и торговли в пореформенное время кровельное железо стало вполне доступным материалом.

Двери и оконные рамы в массовом домостроении, как тогда, так и по сей день, делались и делаются из дерева.

Единственное отличие окон XIX века от таковых современных заключалось в том, что внешняя рама крепилась к

оконной коробке на петлях, а внутренняя рама – гвоздями и была съемная. Весной, когда становилось тепло, ее снимали и убирали – «выставляли рамы на лето». Осенью раму ставили на место, а щели замазывали и заклеивали.

Традиционно окна деревянных домов обрамлялись наличниками, они не только украшали, но и выполняли чисто утилитарную роль. Во-первых, доски наличников прикрывали от попадания влаги в торцы бревен сруба; во-вторых, защищали внутреннее помещение от проникновения холодного воздуха через щель между рамой и бревнами сруба. В Петербурге наличники уже не играли роль оберегов от нечистой силы, как в традиционных жилищах. Орнаменты, украшающие наличники, не носили символического характера, а выбирались в соответствии с архитектурной модой.

*Проглянет солнца луч сквозь запертые ставни,
А все еще слегка кружится голова,
В ушах еще звучит наш разговор недавний,
Как струнный перебор, звучат твои слова.*

К. Подревский. Романс «Твои глаза зеленые»

Окна домов на ночь закрывались ставнями. Зимой ставни защищали от холода. Узоры наличников или ставен делались прорезными или рельефными, иногда они расписывались красками. Орнаменты бывали как геометрические, так и растительные.

Традиция обрамлять окна сохранилась и при возведении

каменных домов. Наличники делались из резного камня, лепнины, керамики и служили исключительно для украшения.

Природный камень

Здесь в понятиях происходит некоторая путаница. Говоря о каменных домах XIX века, безусловно, подразумеваются дома кирпичные. Противопоставление каменных домов деревянным исторически сложилось, когда дома строились именно из камня. Например, в Москве каменное строительство началось с XIV века, с использованием белого известняка, добываемого на юго-востоке от города в каменоломнях у сел Верхнее и Нижнее Мячково. Там добытый известняк обтесывали в виде плит размером в аршин и более. Из этого материала возводились московские строения, дав столице эпитет «белокаменная».

Позже, когда кирпич стал основным строительным материалом, дома, возводимые из него, продолжали по привычке называть каменными. В XIX веке дома из природного камня уже не возводились, а использовали его только как облицовочный материал.

В Петербурге для облицовок применялись разные породы камня – гранит, мрамор, путиловская и тосненская известняковые плиты, пудостский камень (туф), мрамор, песчаник, горшечный камень, порфир и др.

Мрамор и гранит

Впервые в Петербурге излюбленную штукатурку заменили облицовкой из камня (мрамора в сочетании с гранитом) при возведении дворца для графа Г.Г. Орлова (Дворцовая наб., 6). Уникальность примененных здесь различных пород отделочного камня, в частности изобилие мрамора, обусловило название прекрасного строения, спроектированного А. Ринальди, – Мраморный дворец.

В сооружениях Петербурга использовались различные породы гранита. Самым распространенным из них был гранит рапакиви, что по-фински значит «гнилой (или крошащийся) камень», добываемый в Финляндии. Такое название гранит получил из-за того, что в нем много трещин, и камень около них легко рассыпается на отдельные куски и зерна. Но это относится только к слоям, лежащим на поверхности, добытый из глубины каменного массива гранит прочен в изделиях с гладкими поверхностями. Нижний этаж Мраморного дворца, облицованный темно-розовым гранитом рапакиви, и сегодня выглядит великолепно.

Другой распространенный сорт гранита – сердобольский. Его добывали на северных берегах и островах Ладожского озера у города Сердоболь (ныне – Сортавала). Он имеет мрачный серый цвет и поэтому в больших объемах не применялся, единственным исключением стал построенный М.М.

Перетятковичем дом М.И. Вавельберга (Невский пр., 7/9), весь фасад которого облицован таким гранитом. За сходство с палаццо правителей Венеции петербуржцы прозвали его «Дворцом дожей на Невском». Чаше сердобольский гранит использовался в интерьерах в виде колонн, например на Иорданской лестнице Зимнего дворца, в Двдцатиколонном и Двенадцатиколонном залах Эрмитажа, на парадной лестнице Николаевского дворца, в вестибюле и на лестнице Ново-Михайловского дворца. Из него же изваяны атланты Нового Эрмитажа, бюст Юпитера работы С. Суханова в Строгановском дворце и голова Зевса в поилке для лошадей работы А.Н. Воронихина – у Казанского собора.

Колонны из сердобольского гранита на Иорданской лестнице в Зимнем дворце. Келлергофен по оригиналу В.С. Садовникова. 1958 г.

Дом М.И. Вавельберга. Невский пр., 7/9. Фото 1914 г.

Третий сорт гранита, употреблявшегося на стройках Петербурга XIX века, назывался валаамским. Его добывали монахи Валаамского монастыря на небольшом острове Сюскю-янсари у северного берега Ладожского озера к востоку от города Питкяранта.

Туф

Южнее Петербурга, у реки Пудость, добывали известковый туф, называемый «пудостским камнем». Благодаря сво-

ей мягкости и пористости он легко поддается обработке и широко использовался для облицовки колонн и стен Казанского собора, Гатчинского дворца и многих жилых зданий.

Большие месторождения туфа находятся у Ропши, где родники выносят на поверхность раствор известняка, тот, оседая на корнях деревьев, на траве, застывал, образуя пористый камень. Нужно отметить, что работать с туфом чрезвычайно трудно, так как он мягок, пока находится в грунте, а после взаимодействия с воздухом затвердевает. Поэтому у скульпторов и строителей есть совсем немного времени на то, чтобы придать ему необходимую форму.

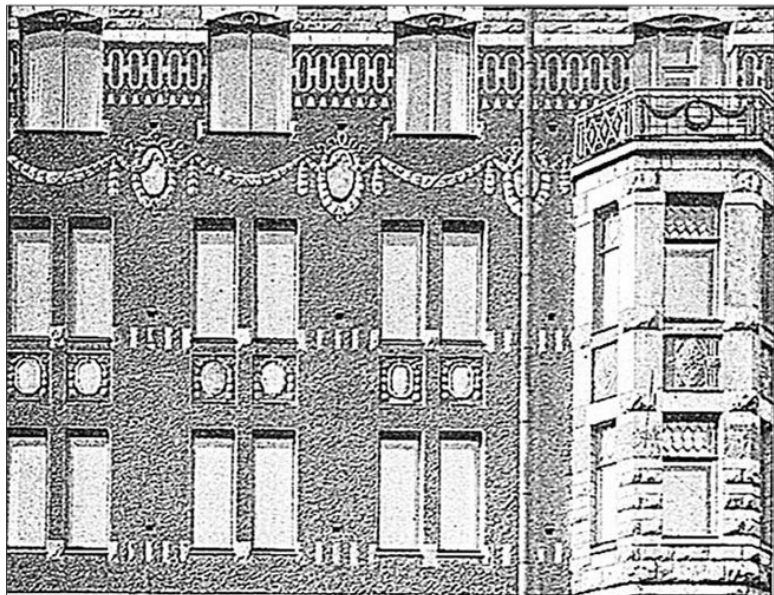
Горшечный камень

Издревле этот камень, хорошо поддающийся обработке, имеющий серовато-желтый оттенок, использовался финнами для изготовления горшков, отсюда и его название «горшечный». Он прочен, отталкивает влагу и относительно медленно загрязняется. Иногда его называют «мыльным камнем» за ощущение жирности при прикосновении к нему рукой. Добывался он на территории Финляндии у деревни Нуннонлахти, к северу от города Йоенсу. Наряду с гранитом он стал наиболее часто применяемым природным материалом во внешнем декоре петербургских зданий периода модерна.

Рельефные изображения пингвинов, дикобразов, сов, фи-

линов, белого медведя, птиц, волков, рысей, зайцев, ящерки, мухоморов, папоротника, маскаронов – все эти и другие характерные для северного модерна элементы декора зданий выполнялись в горшечном камне. «Зверинцы» из этого камня можно увидеть по следующим адресам: Невский пр., 72, Широкая ул. (ул. Ленина), 33 (арх. С. И. Минаш); Стремянная ул., 11 (арх. Н.В. Васильев и А.Ф. Бубырь); Б. Конюшенная ул., 19, Каменноостровский пр., 1–3 (арх. Ф.И. Лидваль) и 26/28 (арх. Л.Н., А.Н. и Ю.Ю. Бенуа).

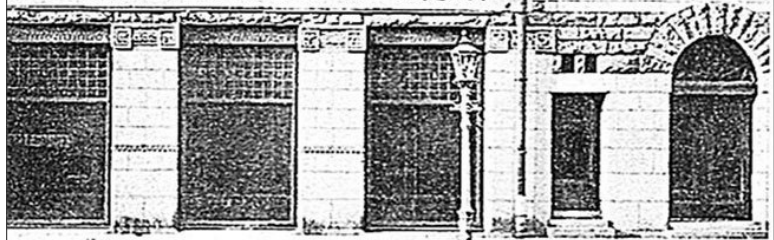
На рубеж XIX и XX веков пришелся пик использования природного камня в отделке фасадов зданий, что, несомненно, произошло под влиянием эстетики модерна, получившего название «северного». Любил и широко применял в своих проектах природные материалы Ф.И. Лидваль. Например, он использовал сочетание тесаного и грубоколотого гранита в оформлении доходного дома своей матери, И.Б. Лидваль (Каменноостровский пр., 1–3), в угловом доме на Б. Конюшенной, 19, в доме для Выборгского жителя Коллана на Большом пр. Васильевского острова, 92, в доходном доме М.П. Толстого (наб. р. Фонтанки, 54); в доме шведа Э.Л. Нобеля (Лесной пр., 20), а также в гостинице «Астория».

ЛАВКА КОДАКЪ КОНТОРА

THE WOLSELEY TOOL & MOTOR CAR CO. LTD.

Облицовка грубоколотым и гладкотесанным горшечным камнем элементов фасада доходного дома № 19 на Б. Конюшенной. Фото 1908 г.

Каменную облицовку употребил А.И. фон Гоген в особняке балерины М.Ф. Кшесинской. Э.Ф. Виррих и А.И. Зазерский декорировали камнем крупнейший в Петербурге жилой комплекс «Бассейного кооператива» (ул. Бассейная, ныне – ул. Некрасова, 58–60), придав солидность этому зданию.

Строились дома, украшенные камнем, и в пригородах Петербурга, например особняк Савицкого в Царском Селе, возведенный Н.В. Васильевым (Московская ул., 15, ныне – поликлиника), и дом Щербова в Гатчине (ул. Чехова, 4а, автор С.С. Кричинский).

Но в целом в городском масштабе использование натурального камня для облицовки фасадов жилых зданий – явление единичное. Чаще каменными делались фундаменты или цокольные этажи зданий (подобная практика сохранялась до 1950-х годов). В старом Петербурге было распространено использование каменных плит для настилов и консолей балконов. Но к 1830-м годам вследствие дешевизны литых чугунных консолей металл вытеснил камень. Однако каменные монолиты еще долго использовались для перекрытий оконных проемов, а также для ступеней лестниц.

Кирпич

Наряду с деревом самым распространенным строительным материалом в XIX веке был кирпич. Еще с домонгольских времен знали на Руси кирпич (плинфу), но использовался он для строительства исключительно общественных сооружений, в основном церквей. Жилые здания начали возводить из кирпича только со второй половины XV века.

Производство кирпичей в Петербурге в XVIII веке сначала наладили на казенных (государственных) заводах и заводах Александро-Невского монастыря. Частных заводов было еще мало. Их появление сдерживали протекционистские правительственные меры. Но в XIX веке частные кирпичные заводы (число колебалось от 40 до 60) постепенно вытесняют казенные, тех осталось всего 4. За сто лет производство кирпичей выросло в десятки раз: с 5 млн шт. в год в конце XVIII века до 200 млн шт. в 1903 г. Располагались заводы вдоль рек – Невы, Тосны, Ижоры. Особенно ценилась как сырье для изготовления кирпича красная ижорская глина.

Захарьевский кирпич

Глину для производства кирпичей начинали готовить с осени. Для выветривания ее раскладывали в гряды. Когда глина замораживалась, она разрыхлялась, а при таянии из нее вымывались органические вещества и соли. Выветренная глина становилась однородной и пластичной, кирпичи из нее получались звонкие и плотные, в брак уходило мало.

После завершения цикла выветривания в глину добавляли до 1/4 части песка и начинали вымешивать. Обычно ногами, иногда с помощью конной глиномялки. В конце XIX века деревянные формы для кирпичей оббивались изнутри железом, ко дну их крепилось клеймо в виде рисунка, буквы, как правило, – инициалы владельца завода или клеймо казенных (государственных) кирпичных заводов двуглавый орел. При обжиге клеймо закреплялось.

Форму внутри обсыпали песком, чтобы глина не прилипла, а также для создания шероховатой поверхности на готовом кирпиче для лучшего сцепления его с раствором. Затем с нажимом глину вдавливали в эту форму, удаляя излишки скалкой. Кирпич-сырец должен был подсохнуть в течение 2–4 дней, после чего он подвергался обжигу.

С конца XIX века стали применять кирпичеделательные машины «Геркулес», «Идеал», «Эврика» чрезвычайно высокой производительности. Так, немецкая машина «Геркулес» фирмы «Фрид и Клооз» делала до 3 тысяч кирпичей в час. Но машины часто ломались, отсутствовали специалисты, умеющие работать с ними, поэтому по-прежнему преобладало ручное формование кирпичей.

С 1840-х годов появился стандарт для величины кирпича – $6 \times 3 \times 1,5$ вершка ($267 \times 133 \times 66$ мм). Длина кирпича равнялась его удвоенной ширине плюс ширина шва, что давало возможность кладки в перевязку. Вес кирпича при ручной формовке равнялся 9–10 фунтам, а при машинной 11 фунтам (4–4,5 кг).

Обжигали кирпичи в стенных постоянных печах или во временных напольных. Длился обжиг от 7 до 10 дней, а иногда и до 17 дней, что зависело от погоды, от степени влажности и плотности кирпича-сырца. После обжига неделя отводилась на остывание кирпичей. Затем их сортировали. Обычно каждый пятый кирпич браковался, если же только каждый седьмой, то обжиг считался удачным.

Кирпич получался разного качества, оно определялось по цвету, ударопрочности и чистому звуку при ударе кирпича о кирпич. Готовую продукцию делили на три сорта. Самым лучшим считался так называемый «красный кирпич», его цвет имел лиловый оттенок, кирпич давал «металлический звон», отличался однородным составом без пустот и раковин. Ко второму сорту относился «алый кирпич» – желто-красного цвета, недожженный, он боялся сырости и поэтому обычно использовался для внутренних работ. К самому плохому, третьему сорту причисляли «кирпич-железняк», в нем содержалось много окиси железа, придававшей ему темный цвет и твердость. Он плохо обрабатывался и скреплялся раствором, но имел повышенную водостойкость. Его применяли в местах, подверженных сырости, – в кладке фундаментов и подвалов.

В последней четверти XIX века в связи с увеличением этажности доходных домов повысились требования к качеству кирпича: появились научные количественные характеристики его прочности и устойчивости к выветриванию. Впервые стали испытывать кирпичи в Лаборатории института инженеров путей сообщения. Там на универсальном гидравлическом прессе Вернера их испытывали на прочность. Проверкам подвергалась продукция всех кирпичных заводов Петербурга и окрестностей. Оказалось, что требуемую для капитального строительства прочность, равную 67 пудам на 1 кв. дюйм (170 кг на кв. см), имели кирпичи из красной

глины. У кирпичей из глины-«сизовки» этот показатель был в два раза ниже требуемого, а у кирпичей из синей глины – в пять раз.

На выветривание кирпичи испытывали следующим способом. По три часа их держали то в воде комнатной температуры, то на морозе до -15°C . Это повторялось до появления отколов и трещин. Затем отставшие частицы при помощи птичьего перышка очищались. Степень выветривания определяли по весу отставших частиц после каждых 10 замораживаний. Особенно важен этот показатель был для облицовочного кирпича.

До последней трети XIX века все доходные дома, построенные из кирпича, обязательно штукатурились. А с этого времени появляются доходные дома с необлицованными кирпичными фасадами, что сразу же потребовало совершенно другого качества кирпича. Чтобы получились ровные поверхности и острые ребра у облицовочного кирпича, его стали изготавливать в металлических формах, смазанных маслом. Иногда внешнюю сторону кирпича перед обжигом покрывали глазурью, или ангобой (слоем глины желаемого цвета).

Для украшения кирпичных зданий изготавливался фигурный (лекальный) кирпич. Его делали различными способами. Чаще всего в обычную металлическую форму на винтах вставляли и крепили части с кривыми поверхностями. Если требовалось получить кирпичи особенно сложной кон-

фигурации, то использовали разъемные формы. При массовом производстве фигурных кирпичей применялся ленточный пресс.

Соединялись камни или кирпичи при помощи строительного раствора.

Подробно о кирпичных строениях будет рассказано в разделе «Кирпичный стиль».

Бетон

Еще древние римляне умели делать некое подобие бетона, но потом секрет его изготовления был утерян. Только к началу XIX века возродилось искусство изготовления бетона. Перетертый в порошок известняк калили в специальных печах, тонко перемалывали, получалось то, что называли «цемент». Потом в цемент для экономии и твердости добавляли песок и щебень и разводили до густоты сметаны. Если цементный раствор заливали в узкий длинный ящик, то получалась балка, если в широкий и плоский – плита. Единственный недостаток – хрупкость – исчезал, если в форму перед заливкой бетоном клался каркас (арматура) из железной проволоки или стержней. Железо не давало бетону ломаться, а бетон защищал железо от ржавчины.

Металл

Оцинкованными железными листами покрывали крыши

жилых зданий. Для лучшей защиты от ржавчины крыши красили. Жилые дома «под железом» в начале XIX века из-за его дороговизны были единичны. К середине века большинство крыш городских жилых строений Петербурга уже покрывало кровельное железо.

Металлические элементы при строительстве жилых зданий впервые широко стали использоваться в конструктивных и архитектурных решениях балконов. Строительные постановления для Петербурга 1868 года (ст. 60) предписывали, чтобы «при устройстве в домах балконов и террас... решетки около оных делаемы были железные или чугунные». Иногда это были высокохудожественные решетки с готическим, барочным или ренессансным узором, иногда – простые типовые решетки, например, с рисунком «чешуйчатого» типа.

Металлический навес над парадным входом дома № 25 по Б. Морской. Фото начала XX в.

*Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.*

А. Ахматова, 1916

В 1830-х годах у входов жилых зданий стали появляться металлические навесы, поддерживаемые железными или чугунными кронштейнами или тонкими чугунными колонками (один из самых старых навесов над подъездом сохранился у особняка Э.Д. Нарышкина на Сергиевской ул., 7).

Массовое применение металлических конструкций при строительстве жилых зданий начинается со второй четверти XIX века. Для перекрытия больших залов во дворцах стали использовать металлические балки и стропила. Если расстояние между несущими стенами не превышало 6,5 сажени (14 метров), применялись балки, склепанные из листов железа. При необходимости перекрыть большее расстояние применяли фермы из металлических стержней, поскольку длинные клепаные балки из железных листов получались слишком тяжелыми. Конструкции металлических балок и ферм разработал инженер М.Е. Кларк, и впервые их применили в жилых помещениях при восстановлении Зимнего дворца после пожара 1837 года.

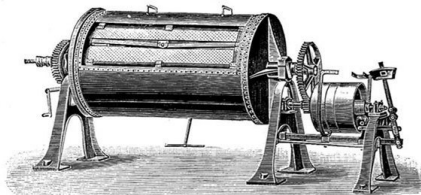

Ф. САНЪ-ГАЛЛИ

МАШИНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ, ЧУГУННО-ЛИТЕЙНЫЙ И
КОТЕЛЬНЫЙ ЗАВОДЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА,
Лиговка 60, Телефонъ № 675. Кузнечий мостъ, Телефонъ № 924.

МАШИНА СЪ МЕТАЛЛИЧЕСК. БАРАБАНАМИ ДЛЯ БУЧЕНІЯ, СТИРКИ
И ПРОПОЛАСКИВАНІЯ БѢЛЫЯ.

УСТРОЙСТВО ПАРОВЫХЪ ПРАЧЕШЕНЬ И КУХОНЬ

ПАРОВЫЯ МАШИНЫ И КОТЛЫ,
ТРАНСМИССИИ, НАСОСЫ.

ПРЕССЫ ДЛЯ МАКАРОНЪ.
ТАБАКОРЪЗАЛН. МАШИНЫ.

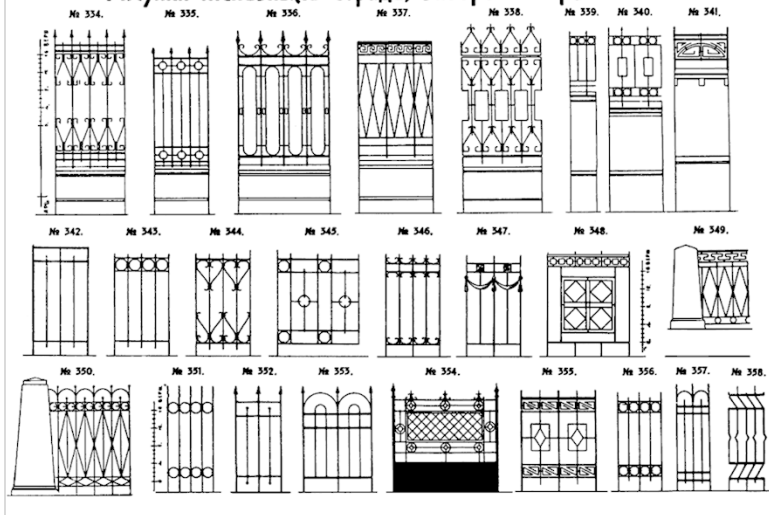
ПРЕССЫ
для выжимки восковыхъ
свѣчныхъ огарковъ,
мясного сока и проч. —

ЧУГУННЫЕ
КАЛОРИФЕРЫ.
ПОДЪЕМНЫЯ МАШИНЫ.

ПОСЕЙНЫЕ КАТКИ
Дезинфекціонные аппараты.
Разныя желѣзныя
конструкціи
и чугуныя колонны.

Реклама изделий Ф. Сан-Галли. Начало XX в.

Рисунки желѣзныхъ оградъ, заборовъ и рѣшотокъ.

Ограды желѣзные. Реклама XIX в.

Железный каркас первым использовал архитектор А.И. Штакеншнейдер при постройке Мариинского дворца (1839–1842) для возведения стеклянных фонарей верхнего света. В этом же дворце впервые штукатурку потолков делали по железной сетке. Подобный прием – своеобразный прообраз армированного бетона. Массовое применение несущих металлических конструкций, перекрытий началось лишь на рубеже XIX и XX веков с наступлением эпохи модерна и конструктивизма, однако оно практически не повлияло на облик петербургского жилища.

Стекло и витражи

Блестит великолепный дом.

По цельным окнам тени ходят.

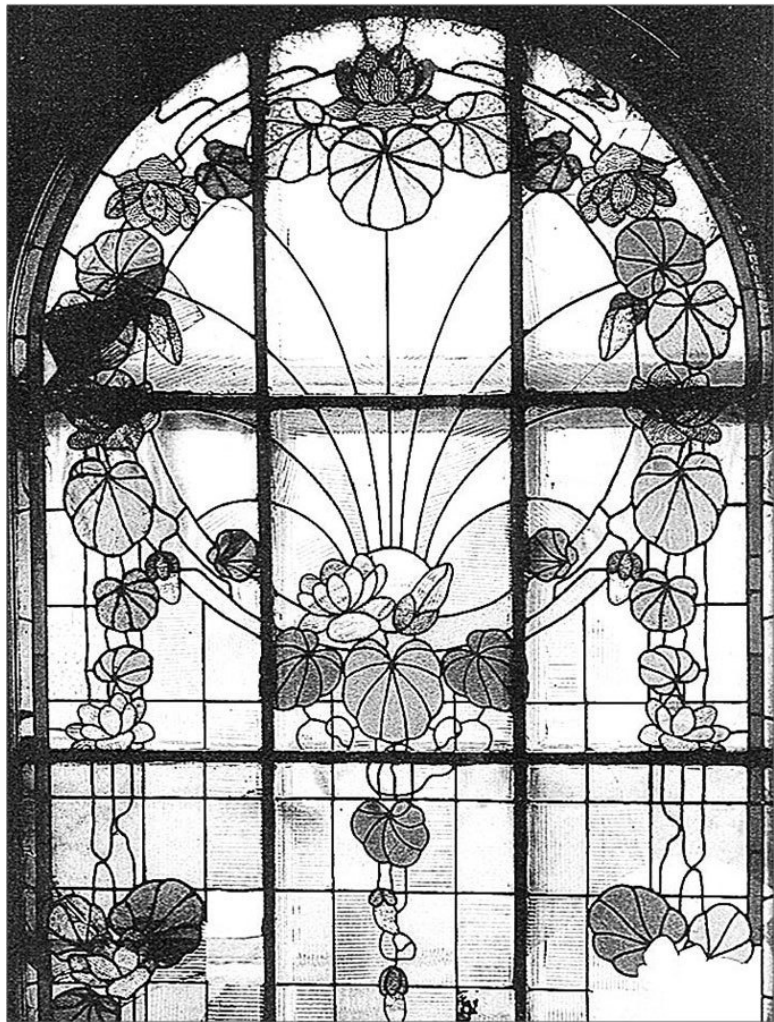
А.С. Пушкин. Евгений Онегин

На Руси впервые оконное стекло стали выпускать с 1669 года в подмосковном селе Измайлово. Сначала это были небольшие по размеру стекла, и оконная рама состояла из множества мелких поперечных и продольных переплетов.

К началу XIX века окна приобрели привычный нам вид. Чем больше площадь оконного стекла, тем выше его стоимость. Именно о таких «цельных окнах» упоминает А.С. Пушкин. Это была новинка XIX века, заменившая мелкую расстекловку.

С 1830-х годов доходные дома Петербурга начинают украшать остекленными выступами – эркерами (тогда современники называли их «фонарями»). «Дома офонарели» – шутили петербуржцы. Первые примеры домов с эркерами – дом Лархе (Б. Морская, ул., 25) и дом архитектора П. Жако (на углу Б. Морской ул. и Кирпичного пер., 11/6). В собственном доме этот архитектор опробовал и другую новинку – окна-витрины на первом этаже. Мода на такие окна охватила Петербург, и к середине XIX века в магазинах и лавках начали увеличивать окна, превращая их в широкие окна-витрины для лучшего освещения торговых помещений

и для рекламы товаров, что потребовало изготовления толстых, больших по площади витринных стекол.

Витраж парадной лестницы доходного дома С.В. Муяки

Тогда же в особняках стало модно устраивать потолки-фонари с остекленным деревянным или железным каркасом, освещавшие залы верхним светом. Это новшество впервые продемонстрировал А.И. Штакеншнейдер при возведении Мариинского дворца в начале 1840-х годов.

В течение XIX столетия витражи называли по-разному: в середине века – «транспаранте», «живопись на стекле», «стеклянная картина»; в конце века – «стеклянная мозаика», «узорное окно», «vitra», и только с 1910-х годов стал устойчиво применяться термин «витраж» (от франц. vitrage – остекление). Этим термином именовали широкий круг изделий из стекла, цветные стекла в металлической арматуре, целые картины из стекла, а также бесцветный монолитный хрусталь, обработанный по периметру фацетой, травленое или гравированное стекло.

Жилые здания в Петербурге витражами стали украшать только в последней четверти XIX века. Первые витражи появились во дворцах и особняках состоятельных владельцев, например витражи во дворце вел. кн. Владимира Александровича (Дворцовая наб., 26, 1872 г.); в особняках гр. А.Д. Шереметева (Французская наб., 4, 1885 г.); А.Ф. Кельха (Сергиевская ул., 28, кон. 1890-х гг.), Ф.К. Сан-Галли (Лиговский пр., 62, 1876 г.).

Повсеместно изделия витражного искусства стали рас-

пространяться в начале XX века при воцарении в архитектуре стиля модерн. В жилых домах витражами украшали вестибюли и парадные лестницы, реже – кабинеты, гостиные и столовые. Витражами украшались и доходные дома (например, на Захарьевской ул., 9, 1909 г. или дом, принадлежавший Г.В. Барановскому, Ямская ул., 36, 1897 г.).

В витражах чаще использовались геометрические орнаменты, однако для модерна более характерны растительные (из стилизованных изображений цветов популярны в северном модерне были лилии, тюльпаны, кувшинки, маки и подсолнухи; в южном модерне – плоды и листья каштана, сливы, вишни).

Сюжетные композиции использовались чрезвычайно редко: изображение викингов в нижнем этаже особняка А.В. Молчанова (ул. Литераторов, 17, 1907 г.); плетень с ромашками на фоне неба с розовыми облаками в доме Фаберже (Б. Морская ул., 24, 1900 г.); изображение аллегорий живописи, ремесел и торговли в особняке купца Д.М. Парфенова (Николаевская ул., 7, ныне витраж хранится в Музее истории Санкт-Петербурга); пейзаж с замком на парадной лестнице особняка Н.Н. Башкирова (Кирилловская ул., 4, 1906 г.); изображение павлина в квартире И.И. Дернова (Таврическая ул., 35, 1907 г.); пейзажи на верхней лестничной площадке доходного дома страхового общества «Россия» (Б. Морская ул., 35, 1907 г.) и доходного дома, перестроенного для Акционерного общества «Строитель» (Захарьевская ул., 9,

1909 г.).

Создавались и более простые композиции, в которых присутствует какой-либо «значащий» предмет: ионическая колонна в собственном доме Каценелбогенов (Заротная ул., 17, 1910 г.); амфора в доме Л.С. Перла (Рузовская ул., 9, 1910 г.); венок с лентой в доходном доме И.Ф. Хреновой (Таврическая ул., 5, 1909 г.). Иногда в витражах встречаются надписи, например растительный орнамент совмещен с цитатой из Библии на фоне желтоватого стекла в доме В.Ф. Фогель (Суворовский пр., 38, 1910 г.).

Выше говорилось об оконных витражах, но витражами украшались и двери. Обычно они были не цветные: зеркальный хрусталь с фацетом, отражающим радужные блики при солнечном освещении (особняк и контора П.П. Форостовского, 4-я линия В. О., 9, 1901 г.) или хрусталь в сочетании с опаловым стеклом (5-я линия В. О., 60).

В 1890–1917 годах становится популярным остекление больших плоскостей плафонов: расписной витраж парадных лестниц особняков (А.Ф. Кельха, Сергиевская ул., 28, 1896/1905 гг.); квартиры владельцев фирмы Фаберже (Б. Морская ул., 24).

Следуя моде, многие петербургские архитекторы использовали витражи в отделке возводимых по их проектам зданий. Но особенно часто их применял Л.М. Харламов, А.С. Хренов, П.М. Мульханов, Н.Д. Каценелбоген и В.В. Шауб.

В XIX веке витражи обычно привозили из Германии или

из рижской мастерской Э. Тоде. Под руководством немецких мастеров работали первые петербургские мастерские, такие как фирма «М. Эрленбах и К°, преемники». В период с 1890 по 1917 год в Петербурге работало 20 витражных мастерских.

Цвета окраски домов

На внешний облик любого дома, естественно, чрезвычайно влияет цвет его окраски. После страшного пожара 1812 года по указу императора Александра I все дома, построенные в стиле барокко, выкрасили в яркие контрастные тона: изумрудный или зеленый с белым, терракотовый или темно-красный с белым и т. д. Здания в стиле классицизма красили в светлые тона: желтые, розовые, голубые, салатные. Во второй половине XIX века доходные дома окрашивались в «немаркированные тона»: серые, беж.

Строительство

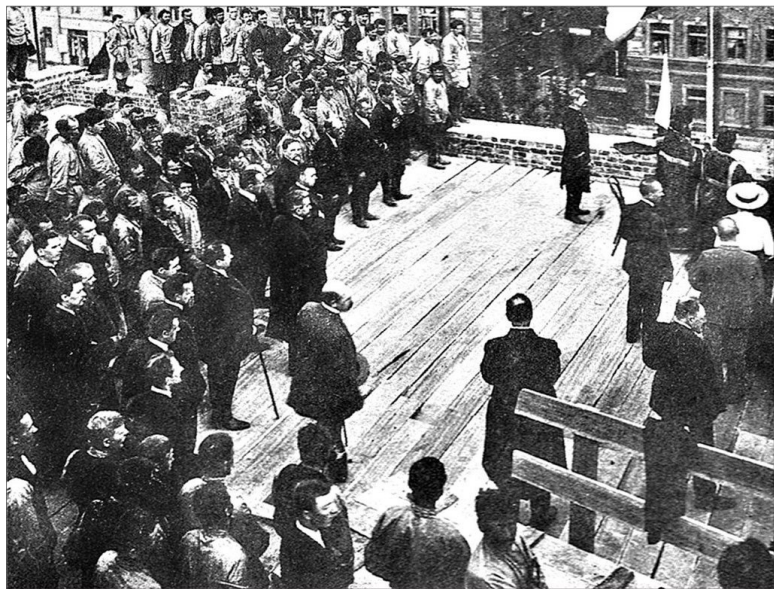
Закладка дома

Во всех традиционных культурах существовало множество обрядов, сопровождавших закладку жилищ. Следует различать закладку дома с технической точки зрения, когда укладываются первые камни фундамента, и закладку дома

как религиозный обряд и семейный праздник. Интересно, что старинной традиции-ритуала церемонии закладки дома продолжали придерживаться в Петербурге даже в конце XIX века.

Вот как описывали закладку жилого дома Д.А. Засосов и В.И. Пызин: «Когда каменное здание выведено из цоколя, а деревянное имеет уже два венца, хозяин назначал день праздника – закладки. К этому времени на лесах ставился деревянный крест, высоко возвышающийся над постройкой. Кроме того, в каменной кладке оставлялось место для небольшой свинцовой коробочки, а в деревянном венце вырубалось гнездо для такой же коробочки. Место вырубки выбиралось в восточном углу будущего дома. Обычно в воскресенье после обедни собирались у постройки семья хозяина, священнослужители и приглашенные родные и друзья хозяина, а также рабочие и десятники, занятые на этой стройке. На грубо сколоченном столе ставилась икона и миска с водой. Начинался молебен с водосвятием. Священник при пении молитв погружал крест в миску с водой, вода становилась „святой“. Молились о „ниспослании благодати и благоденствия дому сему“, дьякон зычным голосом провозглашал „многолетие“ хозяину и его потомству. Затем все подходили целовать крест, при этом священник кропил каждого „святой“ водой. Десятник вставлял в гнездо свинцовую коробочку и наливал в нее вареного постного (обычно так называемого деревянного) масла. Потом все подходили к гнезду:

сначала священник, который кропил „святой“ водой эту коробочку, затем хозяин, его близкие и гости, причем каждый клал в коробочку монету чеканки того года, в который производилась закладка. Затем края коробочки загибались наглухо и сразу же над коробочкой укладывалось два-три ряда кирпичей, а в деревянных домах гнездо с коробочкой забивалось деревянной пробкой. Тотчас вслед за этим укладывался заранее заготовленный следующий венец.

Закладка дома. Фото XIX в.

Далее с песнопениями молитв обходили всю постройку, причем священник все время кропил, а дьякон кадил. По окончании этого ритуала хозяин приглашал всех „откушать хлеба-соли“. Если была хорошая погода и тепло, то угощение устраивалось тут же, на наскоро сколоченных столах и скамейках. Если погода была плохая, то приглашали домой или в кухмистерскую. За угощением соблюдалась полная демократия: садились за один стол все, не соблюдая главенства и чина, – рабочие, гости, хозяева. Произносились тосты, разные пожелания хозяину дома и его семье. Рабочие благодарили за угощение и говорили: „Постараемся, будьте покойны, не сумлевайтесь, все будет в аккурате“. Если угощение устраивалось на открытом воздухе, закуска, выпивка и посуда приносились в корзинках. Праздник при этом принимал более непринужденный характер. Помогали каждый, кто чем мог: мужчины откупоривали бутылки, рабочие топорами вскрывали банки с консервами, топорами же рубили керченские селедки тут же на столе. Получалось что-то вроде пикника, было весело, забавно, поскольку люди выходили из обычной колеи. Священнослужители тоже обязательно приглашались к столу, причем дьякон снова провозглашал громовым голосом „многолетие“. Часа через два-три все расходились по домам, многие под сильным хмельком».

Деревянный крест оставался до тех пор, пока дом не подводился под крышу. Тогда крест снимался и отдавался какому-нибудь бедняку, у которого случался к этому времени

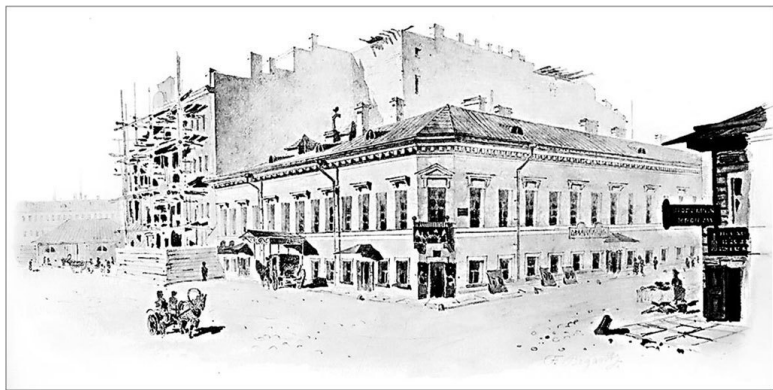
покойник.

Закладка надолго оставалась в памяти и служила предметом разных пересудов и примет. Говорили: «Дому этому долго не стоять! Поскупились, мало денег положили в коробочку, сам хозяин и тот пожалел денег, всего полтинничек положил!» Или: «Крест-то во время молебна покосился, не бывать добру».

Возведение дома

Доходные дома строили быстро. И. Пушкарев в своем «Описании Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии» в 1839 году писал: «Постройка новых зданий в Петербурге производится с быстротой почти невероятною... Едва только положат фундамент, как через пять месяцев делается уже огромный каменный дом в три или более этажей, в котором на другой год все комнаты от чердака до уголка дворника наполняются постояльцами... Торговля домами приносит здесь большие доходы». Например, огромный четырехэтажный, в 33 оси (окна) по фасаду дом (Гороховая ул., 34, – Садовая ул., 31), строившийся по проекту Н.П. Гребенки, в 1845 году возвели (без внутренней отделки) всего за 50 дней, своеобразный рекорд для той поры. Владел этим домом, как и многими другими, «табачный король», хозяин трех табачных фабрик, коммерции советник В.Г. Жуков.

«Строительные леса, – пишет М.А. Гордин в книге „Путешествие в пушкинский Петербург“, – устраивали как нельзя проще: несколько бревен врывали в землю на довольно большом расстоянии друг от друга параллельно стене строящего дома и, по мере того как стены росли, от них к бревнам перекидывали перекладины, на которые стелили доски. Такие сквозные, перевязанные веревками леса устраивали одинаково и для низких зданий, и для церковных куполов, и для колоколен. Зимой на шатких, неогороженных лесах работать было особенно опасно. „Леса от мороза бывают склизки, и без того, чтобы рабочие люди не падали, обойтись не можно“, – объяснял причину многочисленных несчастных случаев один из приставленных к рабочим „надсмотрителей“».

Строительство доходного дома на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы (ныне – ул. Некрасова). Акварель

При оштукатуривании и окраске домов употребляли вместо подвесной люльки особого рода лестницу: вдоль длинного бревна наколачивали неширокие планки, к тонкому концу бревна прибивали несколько досок в виде маленькой площадки, а к толстому – перпендикулярно широкую плаху. «Лестницу» эту прислоняли к стене. Забрав материалы, нужные для работы, и орудия труда, мастеровой залезал на верхушку гнущейся под его тяжестью лесины. «Страшно глядеть, – писал литератор А. Башуцкий в своей книге „Панорама Санкт-Петербурга“, вышедшей в 1834 году, о работающем на высоте маляре и штукатуре, – какие положения принимает он во время работы; иногда, держась сгибом колена за часть воздушной своей мастерской, он, так сказать, висит или плавает в пространстве, где, обливаемый дождем, под свистом холодного ветра он успешно производит работу при звуках продолжительных переливов громкой своей песни. Но когда, окончив работу сию на местах, до которых может достать руками, начнет передвигаться далее, тогда сердце зрителя вздрогнет невольно: на чрезвычайной вышине, сев верхом на дерево и крепко охватывая конец одного рукою, он, вытянув ноги, сильно упирает их в стену; оттолкнув от одной себя и шаткую огромную свою лестницу, скользит по стене и, лучше сказать, летит, и смелым движением напряженного тела отбрасывается иногда более нежели на

полсажени в сторону; это усилие, этот воздушный скачок... в котором малейшая ошибка в размере силы или пространства угрожает падением и неизбежною смертию, это наклонно косвенное положение дерева, доколе стоящий внизу рабочий не передвинул нижней части оною, нисколько не тревожит бесстрашного его духа».

Строительство доходных домов на набережной реки Фонтанки. Фото начала XX в.

Дома не только возводились, но и заселялись с чрезвычайной скоростью, с нарушением всех правил просушки. Хотя по ст. 195 Строительного устава: «Не дозволяется в городах каменные дома, построенные в одно лето, штукатурить снаружи по истечение года от окончания постройки и вообще предписывается соблюдать другие надлежащие правила по

архитектуре для просушки новых стен. Сие правило распространяется и на казенные здания. Исполнение сего правила вменяется в обязанность архитекторов, производителей работ и самих обывателей; а на полицию возлагается строгое за сим наблюдение».

Неоднократно делались попытки как-то сократить обязательный годичный срок. Так, например, 15 февраля 1894 года Техническо-строительный комитет принял постановление № 200 о необязательности соблюдения установленного ст. 195 Строительного устава годичного срока в «случае оштукатурки зданий, построенных на цементе». Но Сенат в 1903 году это постановление отменил. Фактические же нарушения годичного срока стали обыденным явлением во время строительного бума 1890-х годов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.